

Ф. К. Караев

EDEs КАКИМ МЫ ЕГО ЗНАЛИ И ЛЮБИЛИ

Николай Корндорф как-то поведал о разговоре с Юрием Марковичем Буцко, который о своем видении перспектив молодых, радикально настроенных композиторов сказал буквально следующее: «Вашему поколению дорога в Европу закрыта, вы должны смириться с тем, что место на Западе навсегда занято Шнитке, Денисовым и Губайдулиной».

Наверное, так оно бы и произошло, если бы не существовал «феномен Эдисона Васильевича», определяющий сущность педагога и человека. Заключался этот феномен в том, что он, Денисов, всегда должен был быть окружён людьми, которых воспитал, с которыми разделял все трудности композиторского существования, людьми, которым помог стать музыкантами и которых ему удалось «вытолкнуть на орбиту». Думаю, что «талант отцовства» наравне с собственно сочинительством и был смыслом его существования.

Мне хотелось бы рассказать о нескольких эпизодах из своей жизни: ни для кого не секрет, что, вспоминая покинувших нас, мы рассказываем о себе — так уж устроен этот мир. Но при этом, говоря о себе, я самым естественным образом имею в виду и всех нас — старших АСМовцев, получивших «толчки для выхода на орбиту».

В конце 1970-х — начале 1980-х годов — я тогда жил ещё в Баку — пришло письмо от Эдисона Васильевича, с которым я был тогда знаком довольно поверхностно. Он писал, что к нему попала кассета с моей музыкой, которая его «удивила и обрадовала». «Я считаю, — писал он, — что эта музыка должна звучать в Европе, и я сделаю для этого всё возможное». И действительно сделал — он буквально закидал меня адресами зарубежных исполнителей, которые были заинтересованы в новой советской музыке, разослал, как я теперь понимаю, кассеты с моей музыкой европейским коллегам, присовокупив к ним свои самые благожелательные рекомендации. Так у меня постепенно завязались творческие контакты с исполнителями высочайшего уровня, для которых рекомендация Эдисона Васильевича была сродни маркировке самой высокой пробы.

Во времена, когда контакты с зарубежными коллегами были строго дозированы и подвергались жёсткому контролю со стороны Иностранной комиссии Союза композиторов СССР, я, будучи в Москве, получил записку от Э. В. — он настоятельно советовал мне связаться с музыкантами из Голландии и сообщал номер, который начинался с цифр 298: это был индекс телефонов гостиницы «Россия». Не откладывая, я позвонил, представился: на приличном русском языке меня пригласили зайти, пообщаться и, главное, были готовы познакомиться с моими сочинениями, поскольку меня рекомендовал «сам Денисов». Это был пропуск, пароль для входа в сообщество европейских музыкантов:

я познакомился с композитором Элмером Шёнбергером, который был одним из руководителей Holland Festival, и через некоторое время получил заказ на написание сочинения для этого весьма престижного музыкального форума. Так завязались мои контакты с голландскими музыкантами, которые, как и наша дружба с Э. Шёнбергером, продолжают и по сей день.

И вот я лечу в Голландию, где состоится премьера моего нового сочинения, лечу рейсом компании KLM, оплаченным не Союзом композиторов, а приглашающей стороной. В самолёте листаю журнал, посвященный Фестивалю, и с удивлением узнаю, что Mondrian Quartett играет мой опус «In memoriam...», ноты которого, как я узнал позже, передал им Э. В., а Ансамбль солистов оркестра Большого театра днём раньше сыграл ещё одно моё сочинение, партитуру которого, по словам незабвенного Александра Ивашкина, они также получили от Э. В. Денисова.

Уверен, в жизни каждого из АСМовцев таких случаев было немало.

Но Эдисон Васильевич «тащил» за собой не только нас, старших; он не оставлял без внимания и совсем молодых, принадлежащих уже к следующему поколению. Позже, когда Э. В. вынужден был много времени проводить во Франции, он обратился ко мне с просьбой: «У вас есть педагогический опыт. Два моих студента, Антон Сафронов и Оля Раева остались без присмотра, пожалуйста, пообщайтесь с ними и, возможно, если понадобится, помогите советами». Я был искренне рад выполнить его просьбу и несколько раз встречался и с Олей, и с Антоном, одна из партитур которого мне особенно запомнилась.

Это наше общение имело и своё дальнейшее продолжение.

В сентябре 1996 года Э. В. пригласил меня во Францию для участия в работе жюри композиторского конкурса в Безансоне, и председателем которого он был. Разбирая огромное количество присланных работ, мы оба сразу же углядели знакомую партитуру Антона Сафронова — она не затерялась среди претендентов, а выгодно отличалась профессионализмом и в итоге получила первое место.

По предложению Эдисона Васильевича я прилетел во Францию за несколько дней до начала работы жюри, и эти дни я провел у него дома в Париже (27, rue Abel Novelaque). Всё это время он постоянно окружал меня теплом и заботой — снабжал путеводителями и билетами на метро, объяснял наиболее удобные пути передвижения, чтобы легче было добраться до музеев, рассказывал, куда ещё мне необходимо направить свои туристические стопы. А вечерами всегда была возможность просто посидеть, поговорить — о молодых (их судьба волновала его постоянно), о перспективах нашей музыки. И слова его всегда были подкреплены действиями: меня, например, он в эти дни познакомил с издателями и музыкантами, которые, по его мнению, могли бы быть полезными для продвижения моей — и не только! — музыки во Франции. В какой-то момент он буквально заставил меня позвонить Андрею Михайловичу Волконскому: «Это может быть для вас очень важно!»

В работе жюри принимал участие Янис Ксенакис, общение с ним, человеком замкнутым и необщительным, оставило, тем не менее, большой след и как-то очень вдохновляло и окрыляло... А Эдисон Васильевич тем временем сетовал на то, что директор цюрихского оперного театра, который также должен был участвовать в работе жюри, не смог приехать во Францию: «Контакт с ним, — говорил он мне, — мог бы быть очень перспективным». Это было для него так естественно — постоянно «толкать» всех нас к любому общению, позволяющему нашей музыке вырваться в Европу.

После завершения Конкурса я вернулся домой, в Москву и совсем уже скоро наступил ноябрь, 24-е... Эдисон Васильевич ушёл из жизни.

И мы осиротели, почувствовали себя одинокими и никак не могли себе представить, как будем жить и работать без его советов, без общения с ним, без его участия, подсказки...

Святой человек, он так много хорошего сделал для всех нас!